

Проход внутри шахты был как раз той ширины, чтобы пятеро могли идти рядом.

Трещ, треск – звук нестабильного искривления грунта эхом раздавался внутри прохода. Заказчик несколько раз предупреждал быть осторожными, говоря, что обрушение шахты страшнее и смертоноснее, чем само бедствие.

Поскольку бедствие непрерывно пожирает землю и железо внутри шахты, грунт вокруг бедствия значительно ослаблен. Если случайно обрушится, наёмники будут заживо погребены, и, естественно, бедствие, почувствовав опасность, немедленно попытается сбежать наружу, так что случится тотальная катастрофа.

— Даже если земля обрушится, Эрих поставит защитный барьер, так что до погребения заживо не дойдёт, но если шахта обрушится и бедствие сбежит наружу, заказ фактически провален. Будьте осторожны в бою.

— Понял.

— В этом бою самая важная цель – быстрое и безопасное уничтожение. Хорошо бы забрать ядро бедствия или части тела, но не жадничайте слишком. Всегда помните, что жизнь – самое ценное имущество.

Пока шли по проходу, Бертрам передавал подчинённым простые предупреждения и указывал способы боя. Поскольку работали вместе несколько лет, теперь даже без разговоров действовали слаженно, но если опустить процесс разговора, думая, что и так понятно, обязательно возникнут проблемы. Даже если это очевидные и банальные вещи, нужно проговаривать каждый раз.

Он внимательно следил за состоянием подчинённых. Все выглядели в хорошей форме, возможно, потому что несколько дней как следует отдохнули. Хотя бой в подземной шахте – дело нечастое, и казалось, что немного напряжены, умеренное напряжение, наоборот, повышает безопасность в бою. Особо беспокоиться, похоже, не о чем. Только...

— Не переживай слишком, Борис. Если быть осторожным, бой закончим хорошо.

Когда похлопал по спине, явно полной напряжения, тело Бориса слегка дрогнуло. Борис, теперь вернувшийся из волчонка в человека, был немного напряжён перед боем после долгого перерыва, лицо было напряжённым. Если бы видел незнакомый человек, подумал бы, что это просто суровое выражение, но Бертрам знал, что это признак напряжения.

Сейчас хоть выражением лица немного управляет. Около пятнадцати лет, то есть в то время, когда Борис только вступил в этот отряд наёмников, когда нервничал, невольно раздражался слезами и над ним смеялись. Но даже спустя восемь лет Борис всё ещё был робким. Снять напряжение перед боем было естественной последовательностью действий.

— На этот раз постарайся. Не дури, как в прошлый раз.

— Не дави на младшего брата зря, а сам постарайся, Ахивальд. Если слишком нервничать, даже то, что могло получиться, не получится.

Хотя Бертрам заступился, Борис послушно кивнул на слова старшего брата. Ахивальд, старший брат на целых двенадцать лет, всегда строго относился к Борису. Слово, если сам будет мягким, младший брат распустится.

Конечно, профессия наёмника настолько опасна, что иногда нужно быть строгим, но, по мнению Бертрама, Борис был из тех, кто, если относиться слишком строго, наоборот, теряется и не может нормально выполнять работу. Скорее, если немного подбодрить, меньше нервничает и хорошо справляется.

Если кто-то действует строго, кто-то другой должен умеренно успокаивать и заботиться, чтобы был баланс. Когда Бертрам взъерошил волосы Бориса, погладив, Ахивальд слегка нахмурился, но промолчал.

— Впереди. Все будьте осторожны.

Когда Эрих заговорил, выражения лиц всех стали серьёзными. Огонь в лампе, которую держал Эрих, нестабильно мерцал, словно свеча на ветру. В пещере сильный ветер не дует, и даже если дует, стекло лампы защитит, так что пламя не должно было так колыхаться.

Конец прохода, который долго тянулся только прямой линией, наконец показался впереди. Выйдя из прохода, их встретила широкая открытая полость, похожая на огромную площадь. Однако на этой площади уже было существо, занявшее место первым.

[.....]

На первый взгляд это было живое существо, похожее на огромное старое дерево. Действительно так казалось, за исключением того, что части, предположительно корни, прилипли к потолку, а густо проросшие листья, как корни, касались пола. Фиолетовые, близкие к пурпурному, корни, раскинувшиеся во все стороны, извивались, пожирая землю и камни, а среди голубой листвы висели зловеще яркие жёлтые плоды.

А в центре дерева, посередине огромного столба, находилось "ядро", похожее на глаз. Ядро было покрыто листвой и несколькими слоями колючей проволоки, а также защищено десятком чугунных щитов, плавающих вокруг столба, так что сразу разбить было непросто.

Дерево, жадно пожирающее землю и минералы вместо солнечного света – это и было бедствие, с которым предстояло сразиться на этот раз. Загадочное живое существо, которое без причины и контекста обрушивается, как катастрофа, пытаясь подчинить мир.

— Все займите позиции. Эрих, <Усиление> всем нам.

Ахивальд и Борис – на оба крыла, Бертрам – в центре, а Эрих и Хербарт – в тылу. Хоть всего пятеро, но строй был правильно выстроен.

Эрих подбросил в воздух лампу, которую держал, и, подняв руку в воздух, начал читать строфы заклинания. Лампа, летевшая в воздухе без препятствий, в какой-то момент с щелчком взорвалась, и огонь, который был внутри, разлетелся во все стороны. Насекомые света, похожие на светлячков, но настолько яркие, что освещали всю эту полость, летали в небе.

— Мы – деревья, укоренившиеся в этой земле.

Вокруг тел наёмников начал кружить тёплый свет. Свет, словно подбадривая, погладивший по голове, затем проник в грудь, вдыхая силу в их тела.

— Мы – солнце, горящее в том высоком небе, мы – водная жила, текущая под землёй, мы – ветер, обвивающий мир...

Но одновременно с этим бедствие, почувствовав извивающуюся магическую силу перед собой, медленно начало двигаться. Часть корней, застрявших в потолке, медленно выползла наружу из земли, а жёлтые спелые плоды, постепенно краснея, готовились произвести результат. Наёмники, нацелив оружие на бедствие, вдохнули. Нить напряжения, натянутая так туго, что, казалось, вот-вот порвётся, какое-то время продолжалась, и.....

— Разорвём то, что не мы. Раздробим, сожжём и швырнём во тьму.

Как только заклинание Эриха закончилось, наёмники одновременно рванули, устремившись к бедствию. Естественно, корни и листья бедствия одновременно начали сотрясаться.

Огромный голубой волк, настолько большой, что широкая площадь казалась тесной, летел по воздуху.

Размер легко превышал три метра? Огромный волк, чьё всё тело было покрыто не шерстью, а голубым пламенем, откусывал корни дерева бедствия. Это было уже не столько волком, сколько пламенем в форме волка. Истинный облик зверочеловека Бориса, демонстрирующий величие, достойное имени <магический зверь>.

Пока Борис привлекал всё внимание бедствия, Ахивальд, бегая по воздуху, обрубал корни и стволы дерева. Он без труда бегал и прыгал по воздуху, словно под ногами была невидимая лестница.

В отличие от младшего брата, он всё ещё сохранял человеческий облик, но его боевая мощь не уступала Борису. Каждый раз, когда он взмахивал мечом, корни и стволы дерева, набрасывавшиеся на его тело, отрубались. Если не обрубить достаточно корней и стволов, не будет возможности разбить ядро. Для безопасности нужно было максимально устранять боевые силы противника.

— Осторожно с листьями, в них яд, даже если коснётся, не сможешь двигаться!

Острые, как наконечники стрел, листья вылетали, но большинство были остановлены защитным барьером, созданным Эрихом, и упали на пол. Он в тылу полностью сосредоточился только на защите товарищей. Поскольку листьев было слишком много, плюс на них был яд, только так можно было гарантировать безопасность товарищей. Конечно, заботясь о товарищах, у самого Эриха не было времени позаботиться о собственной безопасности, но это компенсировал Хербарт.

— Всё-таки хорошо, что призванные существа – големы. Я могу как-то их связать...!

Из красных плодов, висящих гроздьями на ветвях, непрерывно извергался плавящийся металл. Этот расплавленный металл, как только касался земли, начинал принимать форму, вскоре становясь огромным железным големом и набрасываясь на наёмников. Однако наёмники даже не обращали внимания на големов. Потому что каждый раз, когда дуло Хербарта изрыгало огонь, крошечный камень, вставленный в центр стального тела, разлетался на куски, и форма голема разрушалась.

Ружьё Хербарта несколько неудобно, когда нужно резать или разрывать широкую область, но очень полезно, когда нужно точно уничтожить определённую часть, чтобы обезвредить врага. <Истощение Белого Бедствия>, его артефакт, превращающий магическую силу и духовную силу в пули и выстреливающий с мощной силой, мог легко разрубить призванных существ,

заполнивших всё вокруг. Плюс, с его снайперским мастерством, никогда не промахивающимся по цели, железные големы не представляли для наёмников никакой угрозы.

— Ещё немного потерпи, от этого проклятого щита остался только один!

Пока подчинённые выполняли свои роли, Бертрам разбивал чугунные щиты, плавающие вокруг ядра и защищающие его. Хотя и называли их "щитами", потому что они имели форму щитов, на самом деле они могли свободно менять форму, так что могли одновременно атаковать и защищаться. Если хоть немного зазеваешься, острые копья или мечи, высунувшиеся из щитов, могли серьёзно ранить. Кроме того, прочность тоже была высокой, обычный меч от удара гнулся или ломался.

Бертрам изо всех сил обрушил свой большой меч <Большое Синее Бедствие>. Хотя был недостаток в том, что во время боя возвращается боль в размере нанесённого противнику урона, но гарантировалась соответствующая мощь и разрушительная сила, так что это можно было вынести.

Он использовал это оружие десятилетиями, ещё до того, как получил нынешнее <ожерелье>, так что мог со смехом переносить незначительную боль. Отчасти это было благодаря эффекту усиливающей магии, которую наложил Эрих, сделавшей его менее чувствительным к боли.

"Если повезёт, можно справиться и без ожерелья".

Он уже разбил девять чугунных щитов. Только разбив все чугунные щиты, можно было демонтировать колючую проволоку, так что он довольно спешил. Остался только один чугунный щит. Разбить его, срезать и убрать колючую проволоку, разрушить ядро - и этот заказ успешно завершится.

Если можно закончить работу, не используя ожерелье, лучше не использовать. При использовании ожерелья можно надёжно справиться с бедствием, но из-за характеристик ожерелья невозможно добыть ядро или труп бедствия, так что финансово приходилось нести некоторые убытки.

Кроме того, большая проблема - побочный эффект. Честно говоря, быть поглощённым чужим удовольствием, плакать и канючить, требуя член, - не совсем приятное дело. Хотя за три года повторений привык, но не мог принимать это с радостью.

"Лучше уж валяться в здравом уме".

Заниматься сексом с подчинёнными в здравом рассудке хотя бы приятно, а ощущение преклонения колен перед властью чего-то непонятного и совершения действий, противоречащих своей воле, совсем не приятно. Он стиснул зубы и взмахнул большим мечом. С треском чугунный щит раскололся надвое.

— Отлично, всё разбил!

Он тут же разрезал колючую проволоку и взмахнул большим мечом в сторону ядра. Но именно в этот момент. Поверхность коры, где, как он верил, ничего не было, внезапно раскололась, и снизу высунулось бесчисленное множество рук, угрожая Бертраму.

— Чёрт, ещё один защитный механизм...!

Он тут же изменил траекторию большого меча и разрубил руки под корой. Хотя хорошо, что

безжалостно разрубил внезапно появившиеся руки, проблема была в том, что, сосредоточившись на этих руках, не заметил ситуацию за спиной. Пока внимание Бертрама было отвлечено, корни и ветви дерева, сражавшиеся с Борисом и Ахивальдом, одновременно собрались в одно целое, приняв форму огромного копыя.

— Опасно, командир!

Эрих, находившийся вдалеке и сразу заметивший опасность, торопливо создал защитный барьер. Но наспех созданный барьер мог остановить только листья и некоторые корни, сил остановить такое огромное копыё не было.

Ахивальд попытался сам разрубить копыё дерева, но копыё такого огромного размера не мог разрубить даже его силами. Бертрам, услышав крик Эриха, торопливо обернулся, но было уже поздно. Копыё дерева, собравшее все последние силы, нацелилось на Бертрама и, словно клин, вонзалось над его головой.

— Хх, аах...!

Голубой волк, едва успевший, изо всех сил оттолкнул тело Бертрама. В поле зрения Бертрама, покотившегося под дерево, попал Борис, бьющийся в агонии с пробитым боком.

— Борис!

— Борис, ты в порядке?!

Вместе с воплями ужаса, вырвавшимися, словно крики, со всех сторон, тело Бориса тоже скатилось под дерево. Бертрам, пошатываясь, встал. К счастью, похоже, не пробило глубоко, так как Борис, хоть и мучился от боли, издавая крики, не выглядел близким к смерти. Увидев издали торопливо бегущего Эриха, он тут же коснулся рук ожерелья.

"Чёрт, жадничал, и вот что получилось...!"

Хотя говорил не жадничать зря, на самом деле сам жадничал больше всех. Если бы использовал ожерелье немного раньше, если бы не зазевался до последнего момента, копыё дерева было бы ничем. Зря осторожничал и медлил, и только ранил подчинённого.

— ...Сейчас закончу. Немного потерпи!

Бертрам приложил большой палец к поверхности голубого камня и резко провёл. Хотя камень был совершенно гладким, на его пальце появилась рваная рана, словно поцарапанная шипом. Камень, отреагировавший на кровь хозяина, засветился красным, и мгновенно его тело окутал загадочный чёрный туман.

[...?]

Синее бедствие, не понимающее ситуацию, снова нацелилось на Бертрама и обрушило копыё дерева, но копыё, как только коснулось силуэта, вышедшего из чёрного тумана, бессильно исчезло. Словно сгорев и превратившись в пепел, или словно испарившись, как будто его никогда не было с самого начала, силуэт, буквально "стёрший" копыё, тут же метнулся к ядру.

— Хувина хуже хуя, наглая тварь.

Силуэт, Бертрам, облачённый в чёрную броню на всём теле, без колебаний взмахнул большим

мечом. Бедствие в отчаянии попыталось собрать все оставшиеся корни и ветви, но даже они, как только касались траектории большого меча, превращались в пыль и развевались в воздухе. Окончательное оружие, создающее чёрный туман, уничтожающий всё, к чему прикасается, – это и была истинная сила <Наслаждения Чёрного Бедствия>.

Разметав все помехи, он прилип к ядру бедствия и вонзил большой меч в его центр. Чзззз, вместе со звуком того, как последний защитный барьер на поверхности разлетелся на куски, словно простое стекло, его большой меч точно разрубил ядро пополам. Чёрный туман, окутывавший Бертрама, мгновенно сгустился и собрался в большой меч, а большой меч, впитавший туман, обильно влил чёрный туман внутрь ядра.

Кииик, с криком, который дерево никогда не могло бы издать, бедствие извернулось. Но это длилось недолго. Из трещины в расколотом ядре потёк ослепительный свет, и этот свет, словно сжигая тьму, поглотил Бертрама и всех существ в полости.

Крик бедствия, заполнявший всё вокруг, и шум ветвей, барахтающихся и бьющих по стенам и полу пещеры, утихли. Среди тишины, погрузившей всё вокруг, свет постепенно угасал, а последняя фраза Бертрама нарушила и последнюю тишину.

— ...Задание завершено. Подтверждаю уничтожение бедствия.

В полости, где свет полностью исчез, остались только Бертрам, стоящий на коленях с воткнутым в пол большим мечом, и товарищи.

<http://bllate.org/book/15038/1337832>